

Завершая рецензию, хочу отметить, что историографическое сочинение – это исследование особого рода, в котором важно прежде всего авторское понимание того, о каких школах и направлениях и о каких исследователях следует говорить, и поэтому подвергать критике его избирательный подход, я думаю, неконструктивно. Оценить нужно то, как автор выполнил поставленную перед собой задачу. И в этом смысле могу лишь отметить, что книга Э.Д. Фролова благодаря своей содержательности, языку и стилю читается с огромным интересом. Труд Э.Д. Фролова является крупным вкладом в отечественную и мировую историографию об античности. Автор создает у читателя оптимистическое настроение, подчеркивая, что сегодня прежде политическое давление снято с русской науки о классической древности, и ученые могут дышать свободно. Но главным залогом будущих успехов отечественного антиковедения явилось бы возрождение классической системы образования в средней и высшей школе, хотя бы в форме дифференцированного обучения, и укрепление кафедр классической филологии и античной истории в университетских центрах.

В.М. Строгоцкий

© 2002 г.

F. OLIVIER-UTARD. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922–1982). Paris: Ministère des affaires étrangères, Edition Recherche sur les Civilisations, 1997. 423 p.

Всем известно, какова в настоящее время в России ситуация с новой зарубежной литературой, особенно по древней истории и археологии. Масса новых книг и журнальных статей остаются для многих специалистов совершенно недоступными, хотя знакомство с ними в высшей степени необходимо. К числу таких работ принадлежит и рецензируемая работа. Мне уже несколько лет тому назад приходилось слышать, правда весьма разноречивые, отклики на книгу Ф. Оливье-Утар, но только зимой 2001–2002 гг. удалось познакомиться с ней. Поэтому, несмотря на то что книга опубликована уже достаточно давно, я решил дать короткую рецензию на нее.

Для всякого специалиста по археологии Средней Азии история Французской археологической делегации в Афганистане (UAFА, далее в тексте ДАФА) полна глубокого интереса, поскольку на протяжении нескольких десятилетий этот археологический коллектив был своего рода «маяком» (если воспользоваться терминологией хрущевских времен) или образцовой моделью для всех нас, советских археологов, работавших в Средней Азии. Именно эта экспедиция была нашим ближайшим соседом (другие западные или японские миссии очень быстро «сходили с дистанции» и, естественно, не могли конкурировать с этой экспедицией), который постоянно поражал нас и результатами своих исследований и тщательностью обработки и издания материалов, а также, что не менее важно, своими теоретическими новациями. Можно со спокойной душой сказать, что многие из нас смотрели на ДАФА, как на образцовую центрально-азиатскую археологическую экспедицию. Естественно, что при таком отношении в среде среднеазиатских археологов ходило много мифов и об истории Делегации и тех процессах, которые в ней происходили. Сейчас благодаря публикации рецензируемой книги появилась возможность ближе познакомиться с ее историей.

Данная книга, представляющая собой официальное издание Министерства иностранных дел Франции, дает огромную новую информацию относительно всех 60 лет существования ДАФА. Эта информация почерпнута, главным образом, из документов, хранящихся в архивах министерства и других правительственных учреждений, а также, естественно, из некоторых частных архивов и самих публикаций Делегации.

Естественно, что в книге представлен огромный материал, к которому еще не раз будут обращаться специалисты. Охватить его в рецензии нет никакой возможности, тем более что основные положения, отстаиваемые автором, подкрепляются многочисленными документами из архивов. В силу этого моя рецензия будет представлять собой своего рода заметки на полях в тех случаях, когда выводы автора мне представляются спорными.

Книга состоит из «Введения», трех больших частей, в которых изложена собственно история ДАФА (первая охватывает период от 1922 по 1942 г., вторая – 1945–1965 гг., третья – 1965–1982 гг.) и «Заключения». В конце ее имеется несколько дополнений – главным образом документальных материалов. Во «Введении» определяются цели исследования и описываются основные категории использованных в книге источников.

В первой части три раздела: «Создание ДАФА», «Первые работы: разведки и зондажи», «Первые раскопки». Естественно, я не буду пересказывать содержание этой части, а отмечу только самое основное, а также аспекты, как мне представляется, наиболее интересные. Само возникновение ДАФА было одним из результатов политики модернизации, которую проводил в 20-х годах XX в. король Афганистана Аманулла после обретения страной независимости (в результате третьей англо-афганской войны в 1919 г.). Король после этого обратился к Франции не только с просьбой о дипломатическом признании, но и с предложением о создании постоянно действующей французской археологической миссии в Афганистане.

Подобное предложение, естественно, было чрезвычайно интересным, поскольку до того времени Афганистан был практически закрыт для иностранцев и археологически почти совершенно не исследован. Цели короля были достаточно прозрачны, поскольку он демонстративно европейцам свое стремление к модернизации и открытости. Его сторонники, кроме того, видимо, смутно осознавали необходимость обращения к прошлому, ища в нем моральную опору, своего рода доказательство прошлого величия, которое должно было способствовать национальному объединению.

Французское правительство готово было ответить на это предложение, и, в конечном счете, результатом этого согласия стало создание ДАФА. Необходимо указать, что публикация документов их архивов МИД Франции, связанных с данным сюжетом, предпринятая в книге, не позволяет более тиражировать тезис, широко известный в западной литературе. Наиболее яркое изложение его представлено в недавно опубликованной книге С. Горшениной и К. Ранэна: «На юге Амударья составляла политическую границу между советской Трапсукианой, которая с течением времени закрывалась, и афганской Бактрией, которая повернулась к "свободному", не коммунистическому миру. Река разделяла два археологических подхода, которые исключали друг друга. Мотивации научной любознательности, природа полученной информации, и публика, которой она сообщалась, в течение XX в. были диаметрально противоположны. Академизм, контролируемый колониальной, а затем тоталитарной системой, доминировал к северу от Окса, оставляя место на юге научному подходу, менее подверженному влиянию политики»¹. Этот тезис, столь привычный для многих западных пропагандистов, твердо убежденных в своем моральном превосходстве и старательно распространяемый ими, однако, не выдерживает столкновения с грубой прозой жизни. История ДАФА является с момента ее организации прямым опровержением этой идеи.

Документы, приведенные в рецензируемой книге, ясно показывают, что создание ДАФА было продиктовано в первую очередь политическими мотивами, о которых во «внутренней» переписке говорилось совершенно открыто. Именно в это время в составе МИДа Франции было создано важное подразделение – *Service des Œuvres française à l'étranger*. Тогда же была реорганизована служба *Service de la propagande française*. В многочисленных документах говорилось о том, что задачей всех этих учреждений является распространение «по всему миру французских трудов и французского духа», и специально подчеркивалось: французские школы и научные учреждения должны стать «настоящими очагами пропаганды в пользу Франции: они представляют оружие в руках наших публичных властей». Список подобных цитат можно легко продолжить – рецензируемая книга служит обильным источником для этого.

Таким образом, создание ДАФА было политическим актом, который наложил свой отпечаток на ее деятельность. Необходимо также подчеркнуть, что пост директора ДАФА изначально имел свою дипломатическую «составляющую». Им был назначен выдающийся ученый А. Фуше, который прибыл в Кабул на год с лишним раньше, чем французский посол. Очень любопытны его оценки ситуации в Кабуле, отправляемые в МИД (частично опубликованные в книге), обсуждение политики других стран в Афганистане, наброски относительно возможностей будущей торговли между Афганистаном и Францией.

Естественно, для археолога наибольший интерес представляет само заключенное А. Фуше соглашение по проблемам археологии, подписанное 9 сентября 1922 г. В качестве модели для него использовался договор между Ираном и Францией. Согласно этому соглашению Франция получала монопольные права на проведение археологических исследований на всей территории Афганистана. Любопытны некоторые комментарии А. Фуше, приведенные в книге. В част-

¹ *Gorshenina S., Rupin Cl. De Kaboul à Samarcande. Les atchéologues en Asie Centrale. P., 2001. P. 54–55.*

ности, он очень радовался невежеству членов Совета старейшин: благодаря ему (невежеству), пишет он, «...мы сильно обогатим наши музеи... мы счастливы, что старые советники не имеют никакого представления о рыночной стоимости греко-буддийских скульптур» (с. 42).

Последствия политической роли ДАФА были достаточно многообразны. Не пересказывая содержание книги, я хочу только подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, лучшим доказательством полезности Делегации должны были, по всей логике ее создателей, стать сенсационные археологические открытия. Во-вторых, в высшей степени желательным было бы, чтобы эти открытия были сделаны в пределах Бактрии. Вся политическая и научная элита Франции получала в то время классическое образование и, естественно, ее взоры в этой ситуации обращались в первую очередь к Бактрии (особенно же к ее столице – Бактрам), поскольку именно эта древняя область, согласно свидетельствам античных авторов, была сценой важнейших событий, а хорошо уже известные в это время греко-бактрийские монеты давали пищу предположениям, что при первом же ударе лопаты бактрийская почва отдаст непревзойденные шедевры древнего искусства. Комиссия по раскопкам в Афганистане (составленная из представителей МИД и министерства народного просвещения)² упорно продвигала А. Фуше в выборе места раскопок именно в сторону Бактрии. Ф. Оливье-Утар справедливо подчеркивает, что А. Фуше не был свободен. В числе факторов, ограничивающих его свободу, было и то, что цели работ определялись в Париже.

В первоначальные планы А. Фуше Бактры как объект самых первых исследований не входили в силу ряда причин (отдаленность от центральных властей, отсутствие политической стабильности, большая стоимость раскопок и т.д.). Тем не менее, давление было столь велико, что А. Фуше вынужден был подчиниться и предпринять исследования в Бактрах³. Эти исследования, как известно, закончились не очень успешно, что нашло свое выражение в широко известных словах А. Фуше о «бактрийском мираже».

Официально А. Фуше оставался директором ДАФА до 1934 г. (когда его сменил Ж. Акэн), однако после окончания раскопок в Бактрах он покинул Афганистан и до 1947 г. французские археологические работы осуществлялись экспедициями, прибывающими в страну только на время их работ. Таковы были миссии, руководимые А. Годаром, Ж. Барту, Ж. Акэном. Поскольку эти работы и их результаты достаточно хорошо известны, я не буду пересказывать очерки о них в рецензируемой книге. Отмечу только то, что мне показалось наиболее интересным или спорным.

Ж. Барту первым добился того, к чему с самого начала стремились в Париже, – он исследовал памятник, который дал значительное количество греко-буддийских скульптур. Уже в самом начале раскопок в Хадде, в феврале 1926 г., он обнаружил 30 статуй и ступу со скульптурным декором. Позднее число находок резко возросло. Для характеристики условий и характера работ Ж. Барту важны некоторые факты, о которых дает ясное представление рецензируемая книга. Прежде всего, работы проводились в обстановке резкой враждебности местного населения. Очень показательное письмо руководителя экспедиции послу Франции в Кабуле от 8 февраля 1926 г.: «С сожалением сообщая, что мои раскопы в Хадде были полностью разрушены утром 5-го, перед моим прибытием на место раскопок. Этот акт вандализма является результатом деятельности местных мулл, которым помогала часть населения, привлеченная этим зрелищем» (с. 92–93). Выводы посольства из этого были самыми серьезными – в телеграмме, адресованной в МИД, посол сообщал об этом факте и высказывал предположение о скором прекращении работ Делегации. Он считал, что правительство побойтся вступить в конфликт с мусульманским духовенством и поэтому «наше впечатление относительно будущей судьбы археологической миссии плохое, сколь это возможно». Однако действия афганских властей были решительными. Муллы – зачинщики беспорядков – были немедленно сосланы на север, шестеро из наиболее активных разрушителей были арестованы и закованы в кандалы. Каждый из них был приговорен к штрафу в 2000 рупий, и для получения его их имущество конфисковали и продали с аукциона. Кроме того, была развернута «разъяснительная работа» среди местного населения. Крестьянам объясняли, что святой Хадда (местный мусульманский святой) явился во сне министру иностранных дел и объявил, что он сам хочет, чтобы были проведены эти раскопки.

Второе обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, – это образование

² Значительное влияние на деятельность ДАФА оказывали также Академия надписей и Азиатское общество.

³ До начала этих работ А. Фуше предпринял несколько разведочных поездок в районах вокруг Кабула, которые привели к открытию ряда важных и интересных памятников. Ряд их позднее был исследован его преемниками.

Ж. Барту. Он не имел подготовки ни как археолог, ни как историк и был зачислен в состав ДАФА на должность архитектора. Ж. Барту был профессиональным геологом, защитившим в 1922 г. докторскую степень, и до своего назначения работавшим директором Геологического института в Марокко. Наконец, третье обстоятельство. В распоряжении Ж. Барту, не имевшего ни одного помощника, находилось 200 рабочих, разделенных на 30 бригад. Рабочий день продолжался от 14 до 16 часов. Ж. Барту непрерывно курсировал между раскопами, но в результате из каждого часа он мог посвятить каждой из бригад только 2 минуты.

К этим обстоятельствам необходимо добавить отсутствие поддержки со стороны посольства. Генеральному секретарю МИД'а Ф. Вертело, главному защитнику ДАФА в составе министерства, пришлось лично вмешаться, чтобы добиться этой поддержки. Огромные трудности встали перед Барту и при разделе находок между Францией и Афганистаном и при транспортировке их через границу⁴.

Можно согласиться с автором Ф. Оливье-Утар, что, несмотря на то, что в Музее Гиме появился большой зал с великолепной скульптурой из Хадды, в целом результаты были не очень успешными, поскольку те публикации, которые появились⁵, имели «чисто технический характер», а основной отчет (предполагаемый пятый том Трудов ДАФА) так никогда и не увидел света. Вина за это, конечно, должна быть возложена не на самого Ж. Барту, но на те инстанции в Париже, которые отправили в Афганистан для организации археологических раскопок человека по своим профессиональным знаниям не отвечавшего даже минимальным для этого требованиям. Ж. Барту работал, не жалея сил и здоровья, но возможности его были ограничены.

Самая яркая страница в довоенных работах ДАФА связана с именем Ж. Акэна и его соратников. Не буду повторять того, что известно всем об этом выдающемся ученом и человеке, настоящем патриоте Франции, жизнью и смертью доказавшем величие своей души. Отмечу только, что в книге имеется (хотя и не очень ярко проявившееся) стремление несколько принизить его⁶. Ж. Акэн провел ряд кампаний раскопок в Афганистане. В отличие от А. Фуше и Ж. Барту он не жил постоянно в Кабуле, а приезжал в Афганистан только на время раскопок, поскольку все время оставался хранителем в Музее Гиме и профессором в Школе Лувра. Принципиально важно, что в это время увеличилось число научных сотрудников, принимавших участие в исследованиях. Помимо самого Ж. Акэна в них участвовали архитекторы Ж. Карл и Ж. Мюнье, молодой в это время археолог Р. Гиршман. Большим помощником Ж. Акэну была жена. Среди работ, проведенных Ж. Акэном, наиболее интересные раскопки в Хайр-хане, Бамаанс, Шотораке. Особенно же привлекли внимание великолепные находки, сделанные в Беграме. Трудности работ, однако, были очень велики. Одной из них было отсутствие взаимопонимания между посольством и ДАФА. Посол Барбье постоянно обвинял Ж. Акэна⁷, последний же указывал, в свою очередь, что все иностранные дипломаты уже посетили раскопки ДАФА в Беграме, единственный, кто там не был ни разу – это посол Франции.

Самый сложный период в истории ДАФА – время после поражения Франции в 1940 г. Ж. Акэн был одним из самых первых, откликнувшихся на призыв генерала Де Голля к продолжению борьбы. Вместе с ним на сторону «Свободной Франции» перешли все его

⁴ Характерен эпизод, о котором сообщает Ж. Барту в одном из писем: министр народного образования Афганистана во время пребывания в Хадде хотел получить не только все находки, но также и всю документацию (рисунки, планы, фотографии, заметки и т.д.). Поскольку попытки Ж. Барту сослаться на соглашение относительно ДАФА успеха не имели, он «...предложил передать решение этого вопроса ближайшему археологическому конгрессу». Это предложение «...его [министра] заставило задуматься, тем более что он перепутал конгресс археологов с конгрессом Лиги наций» (с. 99).

⁵ *Barthoux J. Les fouilles de Hadda. Figures et figurines, album photographique (MDAFA VI). P., 1930; idem. Les foilles de Hadda. Stupas et sites, textes et dessins (MDAFA IV). P., 1933.*

⁶ «Изучать труды Жозефа Акэна сейчас – это или усиливать мне, создавший вокруг нее, или рисковать впасть в иконоборчество» (с. 107). Поскольку для автора книги более приемлемой кажется вторая позиция, то для этой цели он цитирует письмо тогдашнего посла Франции в Кабуле, лично ненавидевшего Ж. Акэна, в котором критикуются методы раскопок последнего, но из всего текста этого раздела книги ясно, что посол ничего не понимал в раскопках. Кроме того, также цитируется частное письмо Д. Шлюмберже. В нем деятельность Ж. Акэна подвергается суровой критике, но заканчивается оно очень показательным утверждением: «...я стараюсь подражать ему» (с. 125).

⁷ Одно из донесений посла представляло собой настоящий памфлет, где Ж. Акэн – одна из главных мишеней, наряду с «...революционерами, евреями, Советами, Народным фронтом и путешественниками вокруг земного шара на велосипедах» (с. 122).

сотрудники. 19 августа 1940 г. Ж. Акэн покинул пост директора ДАФА и отправился в Лондон⁸.

В целом оценка работ Ж. Акэна в рецензируемой книге достаточно сурова. Он объявляется антикваром. Его, по словам автора, не интересовала история общества, в его раскопках не было плановости, он не интересовался распространением буддизма в Азии, но только распространением буддийского искусства, он не думал о составлении археологической карты Афганистана. Если вдуматься в эти обвинения, то неизбежно приходишь к выводу, что автор прилагает к ученому, работавшему в 30-е годы те критерии, которым не отвечают многие и из современных археологов. Почему нужно обвинять человека, который исследует один из аспектов культуры данного общества, в том, что он не исследует все остальные аспекты? Почему нужно считать, что распространение буддийского искусства представляет собой нечто иное, нежели распространение буддизма вообще? Почему вершиной археологической деятельности является составление археологической карты? Почему все остальные виды археологических работ должны уступать место этому одному виду? Можно задать еще много вопросов Ф. Оливье-Утар, но и без того ясно, что ее отношение к Ж. Акэну явно предвзятое и пафос «иконоборчества» явно перевешивает стремление дать объективную картину.

Любопытным эпизодом в истории ДАФА является деятельность в Афганистане в 1940–1943 гг. Р. Гиршмана. Чтобы лучше ее оценить, необходимо помнить об особых обстоятельствах ситуации в Афганистане в это время. Хотя официально правительство соблюдало нейтралитет, тайные его симпатии были на стороне Германии. Р. Гиршман принял временное руководство ДАФА (оставаясь руководителем раскопок и в Иране), предложенное ему представителями правительства Виши, хотя он уже в это время примкнул к «Свободной Франции». Он позднее объяснял, что принял этот пост, «чтобы спасти ДАФА» (с. 134). Результаты работ Р. Гиршмана в археологическом плане хорошо известны. Но итогам своих раскопок он опубликовал две монографии⁹. Важно отметить и некоторые другие аспекты его деятельности. Летом 1945 г. французский посол в Кабуле следующим образом объяснял нежелание афганских властей дать согласие на занятие Р. Гиршманом поста директора ДАФА: «Официальная афганская позиция в отношении господина Гиршмана следующая: не приветствовать его возвращение в страну. Прибыв в Кабул, чтобы на время заменить господина Акэна, отбывшего в Лондон, господин Гиршман активно занялся политикой. Французская колония была полностью голлистской... Господин Гиршман в своей деятельности искал поддержки у посольства России и представительства Великобритании и США. Он принял на работу в качестве шофера некоего русского, относительно которого у афганской полиции имелись подозрения. Он покинул свой раскоп в Беграме, чтобы активно вмешаться в политическую жизнь в Кабуле. Афганское правительство, желая сохранить порядок и нейтралитет, не хотело, чтобы какой-то иностранец, не имеющий официального статуса, вмешивался в политику. Именно поэтому оно потребовало от господина Гиршмана, чтобы он покинул страну, и подтверждает, что его возвращение не приветствуется» (с. 155).

Вторая часть книги посвящена следующему периоду, охватывающему 1945–1965 гг. Это было время директорства Д. Шлюмберже. Условия, в которых возрождались ДАФА, были достаточно сложными. В число их входит и общее ослабление Франции после войны и конфликты среди французов (между теми, кто остался в стране во время оккупации, и теми, кто входил в состав «Свободной Франции»), неизбежные административные реформы в центральном аппарате. Среди последних необходимо особо отметить создание в структуре МИДа специальной Комиссии по раскопкам, которая курировала все зарубежные французские археологические экспедиции.

В деятельности Д. Шлюмберже необходимо отметить несколько важных особенностей. Прежде всего, он стремился к тому, чтобы ДАФА обладала только научными функциями; придание ей некоторых дипломатических функций, что было заметно на первом этапе, им решительно пресекалось. Д. Шлюмберже также не стремился к сохранению старого статуса. Он считал, что монопольное положение ДАФА уже не отвечает новым условиям. Конечно, он считал необходимым сохранять некоторые старые привилегии ДАФА, например, право на первоочередное исследование случайных находок¹⁰, но не саму монополию. Д. Шлюмберже был первым из директоров ДАФА, получившим специальное историческое образование

⁸ Погиб Ж. Акэн вместе со своей женой 20 февраля 1941 г. на корабле, торпедированном немецкой подводной лодкой.

⁹ *Ghirshman R. Bégram. Recherches historiques et archéologiques sur les Kouchans (MDAFA, XII). Le Caire, 1946; idem. Les Chionites-Nephtalites (MDAFA, XIII). Le Caire, 1948.*

¹⁰ Из-за этого достаточно часто возникали конфликты, в частности с итальянской миссией.

и имевшим очень большой опыт полевых работ до своего назначения на этот пост, поэтому раскопки приобрели современный характер. При нем началось создание настоящей библиотеки при Делегации. Наконец, последнее – Д. Шлюмберже собрал в составе Делегации группу прекрасных специалистов, с которыми он проводил исследования: М. Ле Берр, Ж. Мюнье, Р. Кюрье. Позднее в ее составе работали и другие специалисты.

В период деятельности Д. Шлюмберже проводились исследования в целом ряде пунктов, важнейшими из них были Сурх-Котал, Лашкари-Базар и Мундигах. Первый из этих памятников, как хорошо известно, представляет кушанский династийный храм, второй – памятник эпохи Газневидов, и эти раскопки полностью отвечали научным интересам Д. Шлюмберже. Раскопки же Мундигаха – памятника много более раннего времени – были поручены Ж.-М. Казалю. Исследования Лашкари-Базара и Мундигаха в определенной степени были ответом на требования общественного мнения Афганистана, которое в процессе познания своей самоидентификации обращалось к древнейшему периоду истории, желая найти там свои «корни», а также ко времени Газневидов, как наиболее славному периоду в мусульманской эпохе.

Д. Шлюмберже, как и большинству французских археологов, работавших на Переднем и Среднем Востоке в это время, наиболее интересны были памятники, относящиеся ко времени от походов Александра до прихода ислама¹¹. Но благодаря своему опыту работы в Сирии (вместе с А. Сейригом) он, конечно, хорошо знал и понимал и проблемы исламской культуры (и археологии). Именно поэтому он сам непосредственно руководил раскопками и Сурх-Котала и Лашкари-Базара. Вторичной по значению была задача по составлению археологической карты Афганистана. Д. Шлюмберже понимал значение этой работы, но точно так же он понимал и необъятность этой задачи. Кроме того, специальных средств для осуществления ее практически не выделялось. Археологической картой занимался М. Ле Берр, но лишь когда был свободен от выполнения других работ.

Время руководства Д. Шлюмберже совпало со временем ряда важных эпиграфических и нумизматических открытий.

Третий период деятельности ДАФА охватывает время с 1965 по 1982 гг. Он проходил сначала в достаточно сложных, а затем и драматических условиях. В 1963 г. были совершены по инициативе самого короля Афганистана первые шаги на пути к превращению страны из абсолютной в конституционную монархию. Десять лет спустя Мохаммед Дауд совершил государственный переворот, провозгласил республику и стал президентом. В апреле 1978 г. произошел военный переворот (позднее названный «Апрельской революцией»). Дауд был убит и к власти пришел Тараки – лидер Народно-демократической партии Афганистана (точнее того крыла партии, которое называлось «Халки»). Поспешно проводимые и непродуманные реформы вызвали недовольство во многих районах страны, которое жестоко подавлялось. Воспользовавшись этим, в сентябре 1979 г. другой лидер халкистов Амин убивает Тараки и становится в главе страны. Но 27 декабря 1979 г. в Афганистан вступили советские войска, дворец Амина взял штурмом советский спецназ, Амин погиб и к власти пришел лидер другого крыла Народно-демократической партии («Парчам») Бабрак Кармаль. Однако ситуация все более усложняется, в стране начинается настоящая гражданская война, осложненная активным вмешательством советских оккупационных войск. В этих условиях афганское правительство в 1982 г. заявляет о прекращении деятельности ДАФА¹².

На условия деятельности ДАФА оказывали влияние не только эти крупные политические события, но и другие – меньшего значения, но имеющие более непосредственное отношение к археологии. К числу таких событий надо отнести появление первых афганцев, приобретших профессиональную археологическую подготовку и, как следствие этого, начало первых самостоятельных археологических исследований (в Хадде, в 1966 г.) и создание Института археологии в составе Министерства информации и культуры. Увеличилось количество и иностранных археологических экспедиций, среди которых автор книги особо отмечает Советско-афганскую, начавшую свои исследования в 1969 г.

В результате этого постепенно началось ослабление влияния ДАФА на организацию археологических исследований в Афганистане. Со стороны афганских властей выдвигались требования по пересмотру старых соглашений, организации реставрации памятников (своего

¹¹ В соответствии с этой особой направленностью мысли в начале своей деятельности в Афганистане Д. Шлюмберже, как и А. Фуше, также провел раскопки в Бактрах, важнейшим результатом которых стала публикация керамики, осуществленная Ж.-К. Гарденом.

¹² Конечно, нет смысла в данной рецензии говорить о советской политике в отношении Афганистана, но все последующие события позволяют охарактеризовать ее словами Талейрана: «Это – не преступление, это гораздо хуже, это – ошибка».

рода плата за право проведения раскопок) и т.д. Особенно осложнились отношения после весны 1978 г.¹³

Во Франции в системе МИДа происходили административные изменения, которые в определенной степени задели и ДАФА, но важность исследований экспедиции (особенно открытые, сделанные при раскопках Ай Ханум) обеспечили ей на некоторое время привилегированное положение среди других французских зарубежных экспедиций. На раскопки приезжали во время своих официальных визитов и французские министры и премьер-министр Ж. Помпиду.

Важнейшим объектом раскопок ДАФА в течение ряда лет было городище Ай Ханум – первый настоящий греческий город эллинистической эпохи, открытый на территории Среднего Востока. Руководил раскопками П. Бернар, которого Д. Шлюмберже выбрал в качестве своего преемника на посту директора ДАФА (с 1965 г.). Исследование этого памятника имело огромное значение, создав отправную точку для всех реконструкций исторических судеб народов, обитавших на всем Среднем Востоке в течение эллинистического и пост-эллинистического периодов. Открытие и исследование Ай Ханум, бесспорно, является одним из важнейших археологических открытий XX века. Необходимо также указать на то, что публикация материалов по результатам раскопок экспедиции шла интенсивно и качественно¹⁴. Помимо раскопок городища Ай Ханум ДАФА проводила и некоторые другие исследования, в частности раскопки поселения Шортугай.

В последний период деятельности ДАФА возникли некоторые внутренние сложности, которые в конечном счете привели к значительному кризису. Группа сотрудников во главе с Ж.-К. Гарденом настаивала на переориентации деятельности Делегации. После того как были исследованы и зафиксированы все памятники в непосредственной близости от Ай Ханум, представляющие сельскохозяйственную округу греческого города, а также ирригационная система, обеспечивающая их водой¹⁵, родилась идея расширить эти исследования, распространив их на всю Восточную Бактрию. Сложность состояла в том, что хотя эта экспедиция (кроме самого начала) работала с самостоятельным бюджетом и административно была независима от ДАФА¹⁶, афганские власти (да и иностранные археологи) воспринимали ее как интегральную часть делегации. Это создавало сложности именно тогда, когда сложностей и без того было более, чем достаточно. Ведь вставал вопрос о количестве археологических «концессий», которые были предоставлены Франции. С другой стороны, хотя первоначально бюджет этой экспедиции был независим от бюджета ДАФА, в соответствующих «инстанциях» вставал вопрос о масштабах финансирования археологической деятельности в Афганистане и, соответственно, появлялось стремление сократить средства на раскопки Ай Ханум. Помимо всех этих соображений здесь играла роль и малая совместимость теоретических воззрений. Ж.-К. Гарден выступал сторонником того направления, которое с легкой руки Э. Снодграсса получило название «археология без раскопок». П. Бернар же являлся представителем лучших традиций классической археологии.

В конечном счете спор был решен в пользу Ж.-К. Гардена¹⁷. Помимо разного рода личных мотивов в этом споре последний имел то преимущество, что он обещал снижение финансовых затрат и большой научный эффект. Снижение затрат обеспечивалось тем, что не проводились раскопки и, соответственно, не нужны были средства для оплаты рабочих. Все исследования проводились небольшой группой археологов. Ж.-К. Гарден рассчитывал, что эта небольшая группа сможет зафиксировать основную часть памятников, выявить изменения характера

¹³ Необходимо, однако, помнить, что никакого прямого вмешательства представителей Советского Союза во взаимоотношения между Афганистаном и ДАФА не было. Те слухи, которые распространил в Афганистане посетивший СССР Ж.-К. Гарден, о назначении советского советника в Институт археологии Афганистана (с. 240), так и остались только слухами.

¹⁴ Укажу только в качестве примера, на то, что целый ряд публикаций материалов Ай Ханум находил немедленный отклик в отечественной литературе. См., например, *Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А.* Раскопки на городище Ай Ханум (обзор сводной публикации) // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 118–124; *Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А.* Новая серия монографий в изданиях Французской археологической делегации в Афганистане // НАА. 1986. № 4. С. 165–173; *Кошеленко Г.А.* Рец.: *P. Bernard. Fouilles d'Aï Kha-noum IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne (MDAFA, XXVIII). P., 1985* // ВДИ. 1987. № 2. С. 199–208.

¹⁵ О значении этой работы см. *Сердитых З.В., Валиев А.* Ирригация и население Восточной Бактрии (обзор публикаций по итогам исследований 1974–1979 гг.) // СА. 1987. № 4.

¹⁶ Эта практика существовала уже во время директорства Д. Шлюмберже, когда на таких условиях работала группа, осуществлявшая раскопки Мундигака.

¹⁷ Автор книги является решительным сторонником Ж.-К. Гардена.

систем расселения на различных этапах исторического развития, определить характер и масштабы ирригационных систем и их взаимосвязь с населенными пунктами. И при учете данных о динамике изменений природной среды все это позволит представить общие контуры истории всего региона на протяжении нескольких тысяч лет.

Хотя в распоряжении ДАФА эпохи руководства Ж.-К. Гардена было относительно немного времени, все же свою задачу ему удалось выполнить¹⁸. Правда, выглядит неубедительной идея о том, что природная среда Средней Азии в период с начала бронзового века вплоть до настоящего времени практически не изменялась.

Конечно, сейчас спустя уже довольно много лет после происшедших событий легко судить принятые тогда решения. Однако позволю себе это сделать. В конечном счете вопрос тогда, как сейчас стало ясно, стоял таким образом: потратить ли немногие оставшиеся годы ДАФА на раскопки Ай Ханум или на те разведки в Восточной Бактрии, о которых только что упоминалось. Сейчас, зная то, что произошло, я думаю, что каждый непредвзятый специалист должен будет сказать – произошла трагическая ошибка. За годы гражданской войны Ай Ханум практически погиб¹⁹. Это следствие как военных действий, так и грабительских раскопок памятника. Конечно, если бы удалось провести здесь еще несколько сезонов раскопок, мы бы получили новый очень значительный материал для понимания одного из важнейших и самого неисследованного периода в истории Средней Азии. Конечно, мне можно возразить, что вместо этого наука получила эскиз истории целого региона на протяжении нескольких тысяч лет. Это бесспорно, но здесь имеется некий нюанс. Эти работы можно проводить всегда, когда политические условия позволяют. Гражданская война и советские войска не уничтожили ни тех черепков, собирая которые археологи датировали памятники, ни следы русел древних каналов, которые позволяют представить развитие ирригации. С точки зрения истории науки, в общем, не очень важно, когда эти работы будут проведены: в 80-е годы или двадцатью годами позднее. Раскопки же на Ай Ханум уже никогда не дадут той информации, которую они могли дать. Мне кажется, что и МИД Франции и те археологи, которые подталкивали мидовцев к прекращению раскопок Ай Ханум, совершили очень большую ошибку.

Наконец последнее замечание. Автор цитирует отчеты П. Бернара, в которых упоминается «русская угроза» – имеется в виду деятельность Советско-афганской экспедиции (разумеется, до печальных событий 1978–1979 гг.). Французских археологов всерьез беспокоила активность нашей экспедиции, действовавшей также на севере Афганистана, но в более западной части Бактрии. Конечно, в тех конкретных условиях эта деятельность могла восприниматься таким образом. Однако, видимо, и П. Бернар и другие французские археологи явно преувеличивали эту «угрозу». Французский менталитет не позволял им понять, что деятельность нашей экспедиции – это, в общем, один из случайных эпизодов в нашей науке. Для французских археологов и французских дипломатов археологические раскопки за рубежом – это одна из форм политической деятельности, один из методов культурного влияния. В старой России, СССР и современной РФ чиновникам, отвечавшим за внешнеполитическую деятельность, и высшим властям это даже не приходило и не приходит в голову. И следствием этого было то, что Россия никогда не создавала своих археологических учреждений ни в Афинах, ни в Риме. Единственная попытка создать такое учреждение – очень недолго существовавший Археологический институт в Константинополе. Российские «власти предрержащие» предпочитали дарить или продавать за символическую цену крейсера или сотни танков. Все археологические экспедиции, посылавшиеся за рубеж в эпоху СССР, – это результат сочетания нечеловеческого упорства инициаторов (в данном случае И.Т. Кругликовой) и благоприятного сложения обстоятельств, а не результат какой-либо обдуманной государственной политики.

В заключение можно сказать только следующее – сейчас, кажется, ситуация в Афганистане стабилизируется. Будем надеяться, что наступит момент, когда там снова можно будет проводить археологические исследования, и в этих работах будет принимать участие возрожденная ДАФА.

Г.А. Кошеленко

¹⁸ См. Кошеленко Г.А. Рец.: В. Lyonnet. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Paris, 1997 // РА. 2000. № С. 227–233.

¹⁹ См. Bernard P. Découverte, fouille et pillage d'un site archéologie: la cité greco-bactrienne d'Ai Khânoum en Afghanistan // Afghanistan. Patrimoine en péril. Actes d'une journée d'étude. Paris, Centre d'Etudes et de Recherches Documentaires sur l'Afghanistan (UNESCO), 2001.